

Вакханки, трагедія *Еврипида*. Переводъ Иннокентія Анненскаго. Спб. 1895.

Директоръ одной изъ петербургскихъ гимназій, И. Анненскій, напечаталъ въ академіи наукъ это научное и роскошное изданіе. Трагедія Еврипида переведена стихами, съ соблюденіемъ метровъ подлинника, и сопровождается греческимъ текстомъ, напечатаннымъ, *texte en regard*, на четныхъ лѣвыхъ страницахъ. Книгу эту посвящаетъ своей женѣ «любящій мужъ». Съ первой же страницы, однако, мы должны спросить переводчика: почему онъ пишетъ Эврипидъ черезъ обратное э, когда греческое εϋ принято у насъ передавать слогомъ *ев*: Евсевій, Евдокія, Евгений и проч.? Затѣмъ авторъ объясняетъ, что, не желая загромадить книгу подстрочными комментаріями и помѣстивъ часть ихъ въ самомъ переводѣ, для освѣщенія трагедіи со стороны литературной, мифологической и психической, онъ прибавилъ три «экскурса». Это не греческое слово, да и не русское. Употребляются у насъ еще «экскурси», но вовсе не въ томъ смыслѣ, какой переводчикъ хочетъ придать этому выраженію. Онъ говоритъ, что болѣе всего заботился о точности перевода не только со стилистической стороны, но и о точной передачѣ художественнаго впечатлѣнія, для чего и замѣнилъ свой первоначальный прозаическій переводъ стихами. Цитируя источники, какими онъ пользовался, г. Анненскій, какъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ комментаріевъ, не обходится безъ того, чтобы не отсылать читателя къ разнымъ берлинскимъ журналамъ. Какъ будто кто нибудь пойдетъ рыться въ нихъ, чтобы узнать, что ду-

маеть объ Еврипидѣ какой-то Брунь. Въ первомъ «экскурсѣ»: «Еврипидъ—поэтъ и мыслитель», переводчикъ знакомить съ жизнью поэта, съ его эпохой, съ сценическими и художественными воззрѣніями, съ аѳинскимъ театромъ V вѣка и основными чертами поэзіи Еврипида—изображеніемъ людей, какъ они есть. Второе приложение: «Діонисъ въ легендѣ и культѣ» объясняетъ трагедію съ мифологической и отчасти бытовой стороны. Тутъ объяснены фракійскія оргіи: менады, мистеріи, роль Діониса въ искусствѣ; тутъ же помѣщенъ переводъ двухъ гомеровскихъ гимновъ. Третье приложение помѣщено въ концѣ книги, какъ опытъ психологическаго комментарія. Трагедія передана со всеміи ея музыкальными антрактами, такъ какъ во время Еврипида музыка имѣла не только эстетическое, но и общественное значеніе, и хоръ былъ лучшей школой гражданъ, а пѣніе и музыкальная игра соединились съ пляской и мимикой. Философію Еврипида Анненскій разобралъ далеко не такъ подробно, какъ его музыку и политику. Характеры дѣйствующихъ лицъ Еврипида разобраны основательно, особенно материнское чувство. Поставленная въ Аѳинахъ уже послѣ смерти автора его сыномъ, трагедія получила первый призъ, хотя обстановка ея была далеко не блестящая и восемь лицъ трагедіи могли исполняться только тремя. Переведены стихи гладко, хотя не производятъ особенно художественнаго впечатлѣнія. Тяжелыя выраженія встрѣчаются нерѣдко. Такъ, Діонисъ съ третьяго же стиха трагедіи заявляетъ, что Семела «его на свѣтъ безвременно явила». Нѣкоторыя выраженія требовали бы объясненій болѣе подробныхъ. Хоры переведены разнымъ размѣромъ, а не пятистопнымъ ямбомъ. Вообще, чтобы сочувствовать вполне греческому міросозерцанію, надо настроить себя особеннымъ образомъ при чтеніи трагедіи въ 1470 стиховъ, а на это способенъ далеко не всякій. Трагедія оканчивается диѳирамбомъ въ честь бога сцены. Видѣть въ «Вакханкахъ»—«обильную жатву для наблюдательнаго ума»,—какъ утверждаютъ Бернгарди, Веклейнъ, Сандисъ и друг.—довольно трудно. Съ этимъ соглашается и г. Анненскій, находя, что въ исторіи литературы трагедія эта—только открытое поле для гаданій и невольно бросается въ глаза ея отличіе отъ остальнаго театра Еврипида. Для чего же тогда придавать особенное значеніе простому ѳиванскому мѳоу о наказаніи за неуваженіе къ богамъ? Переводчикъ, на основаніи разныхъ комментариевъ, пытается объяснить значеніе трагедіи; нельзя сказать, чтобы это ему удалось, и г. Анненскій напрасно утверждаетъ, что въ трагическомъ Діонисѣ «собирались, какъ въ фокусѣ, все самыя свѣтлыя, самыя высокія черты идеала, взлелѣяннаго душою Еврипида». Это не мѣшаетъ, однако же, новому переводу на русскій языкъ занять свое почтенное мѣсто, хотя вся эта исторія бога, котораго не хочетъ признать часть ѳиванскихъ жителей, за то что его мать Семела была сожжена молніею Зевса, мало интересна. А, между тѣмъ, въ другихъ своихъ трагедіяхъ поэтъ

является новаторомъ и протестантомъ противъ стараго порядка вещей. Это, конечно, не дешево обходилось многимъ изъ его современниковъ, хотя Еврипидъ вкладывалъ свои смѣлыя, по тому времени, мысли въ уста мифическихъ героевъ, стараясь діалектикой позолотить свои обличенія. Отъ этого, конечно, стихи его страдаютъ риторичностью, изысканностью, анти-тезами, цвѣтистостью вычурныхъ оборотовъ. Но у кого изъ древнихъ трагиковъ встрѣчались, напримѣръ, подобныя мысли: «божество есть ничто иное, какъ законы природы или мыслящая сила». — «По смерти нѣтъ никакого личнаго существованія». — «Разумъ—творецъ видимаго міра и потому нравственное чувство должно быть основано на разумныхъ законахъ и не противорѣчить природѣ, гдѣ все подчинено законамъ мѣры и числа, тогда какъ наши страсти не знаютъ границъ». — «Если боги допускаютъ зло—они уже не боги»; «божество было бы презрѣннѣе людей, еслибы замѣняло справедливость прощеніемъ», и пр. Этихъ стиховъ г. Анненскій не цитируетъ, но почему же онъ изъ всѣхъ трагедій Еврипида выбралъ для перевода и прозой, и стихами самую ретроградную?—этого онъ не объясняетъ. Или наши классики заставляютъ изучать ее, какъ образецъ почитанія всякихъ дикихъ преданій? Вакхъ, насылающій безуміе на еиванскихъ женщинъ, которыя бѣгутъ на Киберонъ и, принимая своихъ мужей за дикихъ звѣрей, убиваютъ ихъ съ помощью лидійскихъ вакханокъ; тетка Вакха, которая отрѣзавъ голову своего мужа Пантея, вонзаетъ ее на тирсъ и приноситъ отцу, увѣряя, что это голова барса—какая нравственная и благочестивая легенда!